

В нем участвуют более 200 кинематографистов из 25 стран мира, - сообщил Николай Петрович. - В рамках смотра - фильм Мела Гибсона «Страсти Христовы», картина Ежи Гофмана «Древняя легенда: когда солнце было Богом». В конкурсной программе - «Бабуся» (Россия), «Анастасия Слуцкая» (Белоруссия), «Разыскивается экстрасенс» (Болгария), «Тереса Тереса» (Испания), «Молитвы Лейлы» (Казахстан), «Благослови мою тюрью» (Румыния), «Мамай» (Украина), «21 грамм» (США), «Пролом в стене» (Швеция) и еще много фильмов, которые уже получили немалый резонанс.

Новых фильмов много, но принципы кинофорума остаются прежними. Традиции, к счастью, укоренившиеся. Это верность нравственным идеалам, на протяжении веков выработанным человечеством. Поначалу «Золотой витязь» был фестивалем фильмов славянских и православных народов, но пять лет назад мы сняли эти слова из титульной строчки, потому что он стал открытым для кинематографистов всех стран и всех конфессий. Но основа - нормы морали, выработанные православием, - осталась, что близко всем художникам, участвующим в «Золотом витязе». Члены жюри у нас из стран славянских: русские, белорусы, украинцы, болгары, сербы, поляки. Это не отпугивает ни шведов, ни американцев, ни индийцев, ни иранцев. Помню радость на лицах китайских коллег, когда мы проводили фестиваль в волжских городах. Дело не только в красоте городов, в которых проходит кинофорум, - он притягивает атмосферой гармонии и любви. Порой на самых крупных кинофестивалях ощущаешь чувство неловкости, потому что в воздухе витает некое критическое отношение зала к выходящим на сцену. Часто зрители ожидают, что будут какие-то проколы, и улыбаются, когда видят эти проколы. Ведь в зале всегда много коллег, а им присуще испытывать иронию к сотоварищам, скептицизм, зависть, даже агрессивность в оценках. У нас этого нет. Недаром «Золотой витязь» признан Госдумой как кинофестиваль государственный, то есть важный для жизни нашего государства. При этом наши сотрудники в позапрошлом году восемь месяцев сидели без зарплаты, в прошлом - пять месяцев, в этом - три. Но, к счастью, мучаемся все меньше - наверно, потому что признания у нас все больше. И когда после всех мытарств, собрав почти 30 стран, на церемонии открытия стоишь за кулисами, испытываешь такое радостное волнение, такой подъем духа!

Николай Петрович, в последние годы кинофорум проводится в городах Золотого кольца России, а вот теперь - в Иркутске. Это ведь намного дороже. Одна дорога скольких денег стоит!

- Конечно! Еще за две недели до открытия фестиваль висел на волоске. Слава богу, проблема решилась. Какие-то деньги предоставило Министерство культуры, больше дала Иркутская область, и очень весомой оказалась поддержка попечителей.

В Москве фестиваль «Золотой витязь» проходил давно. Не собираетесь когда-нибудь снова провести его в столице?

- Во-первых, «Золотой витязь» проводился в Москве не так уж давно, а за всю его тринадцатилетнюю жизнь - три раза. В прошлом году в Москве состоялся и первый Международный театральный фестиваль «Золотой витязь». Состоялся большой праздник театрального искусства, что мне очень приятно. Я ведь окончил Шукинское училище, играл в Театре Ленинского комсомола, в Театре Моссовета, работал с Завадским, Мордвиновым, Пляттом, Раневской, Марецкой, Орловой... Меня удручает царящая нынче в театре пошлость, мерзость, издевательства над классикой. Театр

Николай Бурляев стал известным актером, будучи еще ребенком. Главная роль в фильме Андрея Тарковского «Иваново детство» принесла ему оглушительный успех. Масштаб прекрасного актера проявился в еще одном великом фильме Андрея Тарковского - «Андрей Рублев». Тогда Бурляев был еще тоже очень молод, но глубоко, страстно сыграл мастера от Бога, с авантурной жилкой в душе. Сам Николай Петрович по натуре не авантюрист, но в той роли сыграл все-таки самого себя - получившего великий дар Мастера. А потом были роли в картинах «Военно-полевой роман», «Какая чудная игра»... В них не было той страстности, но был спокойный психологизм с элементами юмора. Едва ли такое играть легче...

Позже, уже как режиссер, Николай Бурляев снял фильм «Лермонтов», а потом стал основателем и президентом кинофорума «Золотой витязь».

Наш разговор начался с XIII международного кинофорума «Золотой витязь», который открывается 22 мая.

Николай БУРЛЯЕВ:

«ВИТЯЗЬ» В ШАБАШЕ НЕ УЧАСТВУЕТ

ральный «Золотой витязь» напомнил, что русский реалистический театр имеет величайшие традиции, из которых черпали силы многие театры и кинематографы мира. Мы вспомнили о Щепкине, который говорил: «Театр - это храм. Или священнодействуй, или убирайся вон!»

Николай Петрович, а с чего все началось? Что было до «Иванова детства»?

- Я учился в школе, был пионером, а в 1969 году меня встретил Кончаловский. На улице Горького (Тверской), где я жил в доме 6. Я шел из школы домой. Андрей Сергеевич преградил мне дорогу и сказал: «Ты мне нужен». Я говорю: «Зачем?» - «Я снимаю фильм и ищу мальчика на главную роль. Такого, как ты». Я не очень удивился. Кинематографический мир был мне уже знаком. В 54-м я пробовался на один фильм, но не был утвержден. В 56-м снова пробовался и тоже не был утвержден. Снимать стали моего брата Бориса. Мои бабушка и дедушка были актерами, поэтому что-то актерское в доме всегда ощущалось.

И вы с детства мечтали стать актером?

- Я никогда об этом не мечтал, поскольку заикаюсь. Но в процессе съемок еще в детстве понял, что есть силы в нашем сознании, которые заставляют человека мобилизоваться.

Николай Бурляев в образе пленяет зрителей прекрасной русской речью, великолепной игрой. Понял ли мальчик Коля Бурляев, что после «Иванова

детства» он не обыкновенный мальчик, а звезда?

- Я никогда этого не ощущал. Да и сейчас не думаю, что я звезда. Не вписываюсь в эту категорию. Само понятие «звезда» в искусстве очень условно. Как правило, в идее звездности отражено нечто поверхностное, эффектно-пустое. Очень часто эти якобы звезды приходят ненадолго и быстро гаснут. Но пресса на какое-то время делает из них кумиров.

С чего начинается ваша работа над ролью?

- Если роль имеет первооснову в классической литературе, надо изучить все, что написано автором книги. Так у меня было на картине «Игрок» по роману Достоевского. Я тогда прочитал все, что написано о нем. Моя дипломная работа - в новелле «Ванька-Каин» в фильме «Пошехонская старина». Разумеется, я читал все написанное Салтыковым-Щедриним, в том числе его дневники, письма. И все, что о нем написано. Ну а если роль более или менее современная, как в «Военно-полевом романе», работа уже иная. Литературного прототипа не было. Зато прототипом был автор фильма Петр Тодоровский. Он понимал, что в идеале сам должен был бы играть эту роль, но не мог по возрасту. Значит, надо было играть наше общее - Тодоровского и мое. Некий идеал. Я понимал, что мой герой - не от мира сего. Как это передать? Попросил гримера оттопырить мне уши. И как только это было сделано, у меня и взгляд стал другим.

У вас случаются приступы отчаяния?

- Нет причин для этого. Я оптимист и достаточно сильный человек, чтобы не впадать в отчаяние. К тому же у меня много работы.

Николай Петрович, этот год для вас богат событиями: юбилей фильма «Андрей Рублев», юбилей фильма «Военно-полевой роман». Как вы их отметили?

- Мне пришла в голову идея собрать оставшихся в живых создателей картины «Андрей Рублев», ставшей классикой мирового экрана, включенной Американской киноакадемией в десятку лучших фильмов всех времен и народов. Ну а в этом году мы отправились в Суздаль и Владимир, где снимался фильм. Там встретились со зрителями, провели благотворительную акцию в помощь обездоленным детям. Мы приехали в детский дом, подарили ему сто теплых одеял, православной гимназии - кинокамеру и цифровую фотокамеру. В Суздале снималась вошедшая в фильм «Андрей Рублев» новелла «Колокол». Я играл юного мастера, создавшего колокол. И вот приехал через 40 лет. Представляете, как мне хотелось увидеть, что же там, в тех местах, сейчас? Увы, не нашел дерева, которое было в фильме. А обрыв, с которого я падал и разбивался в кровь, уже другой. И весь берег реки - другой. Все выглядело иначе. Пространство теперь как бы сузилось. Интересно было наблюдать неумолимую работу времени. Но печали не было. Была светлая грусть. Я поднялся на коло-

кольню Спасо-Евфимиевского монастыря. Я ударил в колокол, помолился за ушедших Андрея Тарковского, Анатолия Солоницына, Николая Гринько и других прекрасных художников, создавших этот фильм.

А как отметили юбилей «Военно-полевого романа»?

- Прекрасно. В Петербурге, во дворце «Юбилейный». При переполненном зале. Приехали режиссер Петр Тодоровский, актер Виктор Проскурин. Я поздравил любимейшего мною режиссера Петра Ефимовича Тодоровского с грядущим Днем Победы (он ведь прошел всю войну, дошел до Берлина!) и обратился к чиновникам от кинематографа с призывом прекратить унижать наших классиков принципом частичного финансирования, обрекая их на поиск денег. Таким творцам, как Петр Тодоровский, пора давать деньги по принципу государственного заказа. Ибо такие художники создают культуру нашей страны.

Николай Петрович, вы ведь недавно снова снимались в кино?

- Да, одна актерская работа - в фильме «Любовь и правда Федора Тютчева». Трехсерийная телевизионная картина. Ее поставила Наталья Бондарчук к двухсотлетнему юбилею великого русского поэта, дипломата, мыслителя. До этих съемок у меня была десятилетняя актерская пауза. Я отказывался от всех предложений - после фильмов «Мастер и Маргарита», «Какая чудная игра». После таких ролей не хотелось падать, браться за роли гангстеров, убийц, предателей, растлителей. Этого не будет. Лучше умирать с голоду. Именно так мне говорил Андрей Тарковский: «Коля, не разменивайся, как бы тебе трудно ни было, не ходи туда, куда тебе ходить нельзя, не делай то, за что потом будет стыдно и больно. Не участвуй в шабаше». И вдруг в сентябре прошлого года Наталья Бондарчук предлагает мне роль Тютчева. Она же и сценарий написала, прекрасно выстроенный. В Министерстве культуры она поддержки не нашла и отправилась в плавание при нулевом бюджете, где-то что-то по крохам собирая. К счастью, ее поддержал губернатор Брянской области Юрий Евгеньевич Лодкин. Оплатил дорогу, пребывание съемочной группы в имении Тютчева Овстуг, где мы за пять дней и сделали трехсерийный фильм. Правда, потом был выезд в Царское Село, а заканчивали съемки в московских музеях... Режиссер, преисполненная самых радостных чувств, показала фильм на ОРТ, на РТР, на НТВ. Ни один канал фильм не взял: мол, программа на декабрь (когда родился Тютчев) уже скомонована. Но на РТР циник по имени Павел Корчагин был откровенен: «Не рейтинговое кино!» А премьера состоялась - 5 декабря, в день рождения Федора Ивановича Тютчева, в Брянске. Весь зал встал. Многие плакали. Мы и радовались, и печалились, и так было обидно, что чиновники от телевидения далеки от подлинного рейтинга. Народного!

...Когда я попросила Николая Бурляева сказать о его роле, он взял кассету и вставил ее в видеоманитофон. Прекрасный фильм! Жизнь Тютчева представлена такой, какой она была. Не идеальной, но жестокой для его близких, для самого поэта. Таким был и сам поэт. Прекрасна написанная для фильма музыка - мелодичная, романсовая. Ее написал Иван Бурляев. До чего же талантливая семья!

В кого Иван столь музыкален?

- В моего отца. Он был инженер, но мечтал о музыке. Подарил Ивану рояль...

И вот финальная сцена: Федор Иванович Тютчев говорит: «Я исчезаю, исчезаю, исчезаю». Так он уходил из жизни. И к горлу подступают слезы.

Фильм «Любовь и правда Федора Тютчева» тоже представлен на кинофорум «Золотой витязь».

Елена БЕЛОСТОЦКАЯ